

Сборник

ОВРЕМЕННИКИ
И КЛАССИКИ

ВРАТА ОТКРЫТЫ ВСЕМ ВХОДЯЩИМ

18+

Современники и классики (Березина)

Современники и классики. Выпуск 3. Врата открыты всем входящим

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Современники и классики. Выпуск 3. Врата открыты всем
входящим / «Издательство Интернационального союза писателей»,
2026 — (Современники и классики (Березина))

ISBN 978-5-6056384-7-6

В сборнике «Врата открыты всем входящим» из серии «Современники и классики» опубликованы произведения финалистов и лауреатов Московской литературной премии-биеннале – 2024–2026. Проза Альфреда Николаевича Бодрова, Светланы Крючковой, Александра Рыжкова, Александра Горностаева, Мадины Магомедовой порадует интересными сюжетами и свежими идеями. Любителям лирической, публицистической, философской поэзии будут интересны произведения Зинаиды Мареевой, Александры Зоркой, Бориса Генералова, Алишера Зиё, Татьяны Коваль. С новостями в мире литературы и искусства познакомят читателей писатель, поэт, литературный критик, редактор журнала «Традиции & Авангард» Андрей Щербак-Жуков и литературный критик и публицист Ольга Камарго. Сборник «Врата открыты всем входящим» станет хорошим подарком любителям современной литературы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6056384-7-6

, 2026
© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Предисловие	6
Роман	7
Александр Горностаев	7
Алые паруса на реке Желтухе	7
Малая проза	18
Альфред Николаевич Бодров	18
Кузовок с белыми грибами	18
Висячая пуговичка	21
Как медведь Лешего одолел	25
Как задумал старый дед	26
Елизавета Муратова	32
Дети одиночества	32
Пятеро на скотобойне	32
Цирк жизни	33
Начало человеческой войны	34
Панцирь из душ	34
Млечный Путь	35
Терновник одиночества	36
Торжество на том свете	36
Судьба лжецов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Врата открыты всем входящим

Сборник

Составитель серии Елена Наливина.

© Интернациональный Союз писателей, 2026

* * *

Предисловие

«Путь в тысячу ли начинается с первого шага», – сказал когда-то Лао-цзы.

Но как же трудно даётся этот шаг. Может, не стоит? Может, подождать, когда что-то само сделается – по законам природы? Может, упадёт на голову яблоко? Или проплывёт мимо тебя труп врага?

Но только тот, кто сделает первый шаг и преодолеет развернувшийся у ног путь, окажется перед открытыми для всех вратами.

Авторы сборника «Современники и классики» № 3, 2026 этот шаг сделали и стали номинантами Московской литературной премии-биеннале – 2024–2026.

Знакомьтесь!

Читателей, несомненно, порадуют интересными сюжетами и идеями рассказы писателей Альфреда Бодрова, Светланы Крючковой и целый сборник Александра Рыжкова под интригующим названием «Рассказы русского Тарантино».

Любителям лирической, публицистической, философской поэзии будут интересны произведения Зинаиды Мареевой, Александры Зоркой, Бориса Генералова. Особым колоритом восточной мудрости удивит эпическая поэзия Алишера Зиё. Порадуют и детей, и их родителей солнечные стихи Татьяны Коваль.

Тронет читателя странная и грустная история, рассказанная писателем Александром Горностаевым в его романе «Алые паруса на реке Желтухе».

Фрагмент большого романа «Трагедия гор» представит дагестанская писательница Мадина Магомедова.

С новостями в мире литературы и искусства познакомят читателей писатель, поэт, литературный критик, редактор журнала «Традиции & Авангард» Андрей Щербак-Жуков и литературный критик и публицист Ольга Камарго.

Врата сборника «Современники и классики» Интернационального Союза писателей открыты для читателя – осталось сделать первый шаг!

*Ольга Грибанова, литературовед, писатель, шеф-редактор журнала
«Российский колокол»*

Роман

Александр Горностаев

Алые паруса на реке Желтухе (краткий роман)

* * *

Местный житель отдалённого от цивилизации селения пробивался сквозь густые заросли на краю огородов. Он продирался сквозь кусты, расталкивал и приминал стебли трав, выросшие выше него, и шёл. Еле заметная тропинка, а скорее всего, память о ней вела его куда-то в дремучую древность. Мало кто по ней ходил, оттого она и зарастала к середине лета лопухами, лебедой, быстро растущими кленовыми побегами и ивовым кустарником. Он сюда заглядывал нечасто, но регулярно. Расчистил от кустов у берега реки место, до удаления корней, так что вырастала теперь тут только мягкая травка. Этот человек приходил сюда отдыхать. И если бы он был чуть-чуть посовременнее, то, наверное, сказал бы, что тут его место уединения от стремительной жизни цивилизованного мира.

Но в этот раз здесь оказалось не так пустынно, как он ожидал. Что-то «не то» он ощутил уже за несколько десятков шагов от места своего посещения и насторожился. Необычные запахи разносил ветерок. Что это? Цветёт какая-то трава? Ну, может, и так. Тем и успокоил себя.

Но вот он вывалился на открытую местность и от неожиданности увиденного издал звук, напоминающий тьяканье пуделя, в ответ раздался визг, будто гонялись по деревне за свиньёй и животное, ускользая от ловцов, выражало недовольство происходящим.

На своей поляне он увидел девушку, незнакомую, не из их деревни. Как она здесь оказалась? Это аромат её духов забил все запахи летнего цветения трав.

Она лежала на расстеленной простыне. Загорала, читала книгу. Но при появлении незнакомца издала уже описанные звуки, вскочила на ноги, схватила в охапку всё, что у неё было: одежду, очки, шляпку и книгу, будто опасаясь пропажи вещей. Всё это прижала к голому телу, закрытому только купальником, напоминающим несколько ниточек, ничтоже сумняшеся, незначительно закрывающих некоторые части тела. Но, увидев мужичка ростом со школьника, она успокоилась и чуть погодя спросила ещё дрожащим голосом:

– Ты кто? – уже понимая, что к существам потустороннего мира или персонажам дремучих сказочных лесов этот индивид не относится.

– Я? Я живу тут.

– Где? Прямо тут?

– Не, в деревне... А ты... вы кто?

– Я тоже живу... жила здесь.

– Не знаю такую, не узнаю... А чья вы?

– Я дочь Першиных, таких знаешь? – спросила девушка и, переложив в одну руку все свои вещи, другой рукой стала поправлять волосы.

– Да! Значит, ты... вы... Аня? Приехала в гости?

– Да!.. Погоди-погоди... ты Верми... – Аня в упор посмотрела на своего собеседника и после заминки продолжила речь: – Кажется, тебя Колей зовут? Митрофанны сын?

– Да, а ты что тут... загораешь?

– Я? Загораю, книжку читаю...

– Какую книжку?

– Интересную. Перечитываю. У матери нашла. «Алые паруса» называется. Читал?

– Не-а, а про чё книга?

– Про любовь, почитай, интересно...

И Аня начала вдруг рассказывать что-то из книги деревенскому дикарю, некогда ей знакомому. Наверно, ещё не отошла от пережитого стресса. Вот так и позагорала она от нечего делать на приглянувшейся полянке!

* * *

На этой реке никогда не было ни одного корабля. Даже самая заваливающая лодка не плавала в её русле, никто из живущих такого не помнил. Надобности в средствах передвижения по воде не было: с одного берега на другой можно камень перебросить. И зачем в таком случае куда-то плыть на кораблях и лодках?.. Настолько Желтуха была неширокой рекой! И глубина её вполне измерялась на большом расстоянии высокими рыболовными сапогами: если войти в них в реку, то не до самых краёв доставала вода и в наиболее глубоком месте.

А в некоторых изгибах река сужалась в берегах до обычного ручья. И тут можно было не то что перебросить камень на другой берег, а просто переплунуть реку, если постараться, – некоторым удавалось. Чем, в сущности, часто занимался один из жителей вымирающей деревни. Кличка у него была Вермишель. А имя его, Николай, почти никто не помнил.

Судьба его обидела. Он не только был неказистый, малорослый человечек, но и ума при рода для него пожалела. Поэтому он иногда и придумывал себе странные занятия: например, переплёвывать с одного берега на другой.

Ещё в детстве, в школьные годы, он увлёкся этим упражнением: переплёвыванием реки. Уйдёт с уроков: так романтично на природе, мечтательный и задумчивый, стоит и часами переплёвывает реку. Раз – плевков на алгебру, два – на литературу. Такая оценка, пара за четверть, по этому предмету нередко у него и была. А вот на труд ему не хотелось наплевать. Тут у него была прямо-таки эмоциональная зависимость. Даже когда директор озадачивал мужскую часть класса какой-нибудь расчисткой снега, Вермишель делал это с удовольствием, с некоторым потрясным усердием, будто чувствуя призвание к этому. Пыхтел и упирался в лопату, которая по большому счёту превосходила его рост. Такой он был романтичный.

Хотя, конечно же, не думал, что по этой реке приплывёт к нему однажды под алыми парусами Ассоль. Хотя бы уже потому, что никогда не читал удивительной книги про мечтательницу о заморских принцах. Но, может быть, мечты о прекрасной даме и жили в нём.

Романтичный этот работяга пилил на труде деревяшки, забивал гвозди, долбил дырки, да так, что порой трудовику приходилось останавливать его и выгонять из мастерской. Иначе ведь весь учебный материал перепортит.

* * *

Анька Першина родилась в хорошей семье: мать – бухгалтерша, отец – зоотехник. И быть бы ей какой-нибудь честной ветеринаркой или человеческой фельдшерницей на селе, не возникни в ней, то ли от природы, то ли от недовоспитания, характер неудобный, требующий постоянных перемен, а то и вовсе удовольствий – от такой «скушной» и быстро летящей жизни.

Это проявлялось уже с самого начала, с первых шагов, с первого класса, даже с первого дня учебного года. Привела её мать в школу в сентябре, оставила учиться и ушла. А Анька посидела один урок, потом подошла к учительнице и говорит: «Посмотрела я, как тут у вас. Скукотища! Пойду-ка я домой, на...» И матерным словом закончила. Учительница за голову схватилась. Едва поймала Аньку на выходе, посулила показать бабочек и камешки в музее школы. Еле уговорила.

Но и всё оставшееся время в учебном заведении Аня пребывала неохотно. И при первой же возможности отбыла в город, где будто бы пропала на долгие годы, так что о ней мало кто что знал. Прошло, наверное, десять лет, прежде чем она появилась в родной деревне.

* * *

Вермишель остался на селе. Никуда не уехал. Да и где такого ждали? Никудышный даже по деревенским меркам, в городе он совсем бы пропал. А тут он неплохо, вообще-то, устроился. Завёл хозяйство, огород, живность и всё такое... Было время, он даже подумывал жениться. Но кто на такого позарится? Так он и прожил почти до сорока лет на одном месте.

Заболела о нём и о хозяйстве в основном мать. Но в последнее время стала она болеть: отказывали колени. И она уже редко выходила: в огород ли, в магазин ли. Сидела у окна, а чаще всего за печкой лежала на лавке. В общем, стала инвалидом. Николай крутился один, заботясь о матери. А отца Вермишель никогда не знал. Мать-одиночка ничего не рассказывала о нём сыну. Как он был зачат, неизвестно. И это ещё ничего, главное – явно никто по-мужски не помог такому человечку ум-разум обрести.

* * *

Анька приехала по просьбе в письме от своей родительницы: разболелся отец, серьёзно разболелся, так, что уже перестал вставать несколько дней, думали, уж умрёт. Вызвали пропащую дочь попрощаться... Но Анна пожила пару дней дома, поухаживала за родителем, матери помогла по хозяйству, и отец вроде бы стал поправляться. Ожил и даже повеселел. Однако попросил её пожить хоть несколько дней в отчем доме. И дочь пообещала. Ну не могла она отказать плачущей матери и совсем больному и грустному отцу, единственная дочь своих родителей.

Для Анны жизнь здесь была мучением. Разговоры с матерью и отцом по поводу всяческих новостей быстро закончились, прогулки по деревне не вызывали радости. И она бы совсем заскучала, но, на её счастье, приехала из города в это же время её закадычная школьная подруга Валька Шлёпкина. Она постоянно посещала родные места. Вот Валька не отрывалась так далеко от деревни, как Анька, годами не бывавшая в своей вотчине. Шлёпкина практически была жительницей этой местности, хотя работала в городе, расположенном в пятидесяти километрах от деревни. Чего не скажешь про Анин город – за тысячу вёрст от родной деревни...

Радости встречи у подруг не было предела. Вот залетела Валька в дом к Ане, бросились подруги обниматься. Начали разглядывать друг друга. У одной ногти длиннее пальцев, у другой причёска новомоднящая... Главное – жизнь как? У Вальки был в городе постоянный сожитель. Жила она у него в квартире. Жениться он на ней только собирался. А Анька уже три раза была замужем, но на квартиру себе накопила и жила в своё удовольствие.

Но как-то надо развлекать себя в этой дыре. И куда податься, где пообщаться с молодыми людьми, да хоть бы и с немолодыми?

Это они начали обсуждать уже в первые минуты своей такой неожиданной и незапланированной встречи в родных пенатах. Если одна Валька, бывая в деревне, не думала об этом, то с подругой вместе начали они размышлять о развлечении. Девки-то были в самом соку, в самом сексуальном своём состоянии.

* * *

Вермишель после встречи со старой знакомой почувствовал какую-то приподнятость в настроении. Он даже порой начинал напевать весёлую песню из детских лет, которую учили ещё в школе, то ли «взвейтесь кострами», то ли «у дороги чибис». Отбивает косу на специальном станке-козле – поёт. Несёт пойло скотине – мурлычет мелодию. Впрочем, песни у него были на один мотив. А слова он знал приблизительно, поэтому выходило у него что-то такое современное. Современные меломаны поаплодировали бы. Хохмы ради. Но своё искусство Вермишель в массы не выносил. Да и какие массы? С ними, с массами людей, всегда были проблемы. Люди, близко с ним общавшиеся, не ахти как к нему относились. В школе он был для всех тем козлом отпущения, на котором не отбивали косу, а всегда отыгрывались.

Бывало даже так. Получит, скажем, Мишка от Васьки люлей – и расстроится. А потом даст подзатыльник Вермишелю – и легче станет. Вроде не он, Мишка, самый слабый. Ну а Вермишель не унывал. Он как бы этого унижительного подзатыльника и не ощутит, начнёт что-нибудь рассказывать: типа какой он будет в будущем сильный и отважный. Все посмеются и забудут.

В общем, болтливый был Вермишель, так что с ним было не скучно.

Да и все его обидчики-ровесники разъехались теперь, и обижать его стало некому, к тому же возраст у него уже становился приличным. И даже, кажется, проблески разума стали замечать у него односельчане.

* * *

Немного погодя после встречи он стал не только весёлым, но и порой задумчивым. То выходил к реке и будто приглядывался к ней, мерил палкой дно и расковыривал тину. То заходил в свою мини-мастерскую – полуразваленный сарай, где пытался что-то строить, вспоминая об уроках в школьной мастерской. Что-то примеривал и приглядывал. Соединял и сбивал стволы брёвен, строил какую-то платформу, по бокам наращивал досками вверх, как борта.

Поделиться ему своими замыслами было не с кем. Кроме свиньи Машки. А свинья, когда ещё была маленькой, очень привязалась к Вермишелю, ходила за ним, как собачка. Пойдёт хозяин в посадку за грибами – и она, тогда ещё поросёнок, с ним. К речке отправится – и она там, поковыряет у берега. В общем, друзья были они не разлей вода. Но потом выросла Машка примерно так до центнера, и не стал её брать с собой Вермишель. Оставлял в хлеву. Забить бы её пора. Да жалко, ведь почти родная. Так она и жила, жирея, несколько лет. Мать ругалась: надо забить свинью; а Вермишель всё медлил.

И, как к другу, приходил хозяин к Машке поговорить. Вот и теперь он подошёл к её хлеву и начал с ней беседу словно бы с середины, будто свинья уже знала его замыслы и теперь слушает продолжение размышлений.

– Старики говорили: за нашим огородом раньше был омут глубиной метра три. Теперь-то тиной всё затянуло. А я так кумекаю, что если тину посильней расшевелить, она может и утечь. Расчистится дно. Да вычерпать тину можно, чтобы лодка проплыла. Хотя бы до конца деревни. Как ты думаешь, можно это сделать? Я думаю, возможно. А атлас у меня есть, я видел у матери в сундуке.

Так делился своими соображениями Вермишель с Машкой. Свинья будто всё понимала, и впрямь можно представить, что мыслила она по-человечески, как долго общавшаяся с людьми, что у Вермишеля начинается какая-то история про любовь, как в книге.

* * *

«Да нет, – могла бы думать Машка, – нельзя говорить о хозяине как о дурачке, чудаковатый и несуразный – да. Но он понятливый, просто какой-то впечатлительный, мало видевший много чего интересного». А Вермишель думал об Анне, напевал песни. И как там, Зурбаганом, размышлял Вермишель, можно было бы назвать их деревню Козлиновку.

Он вспоминал, какой была Аня в своём детстве. Хорошо помнил её в платьицах, в которых в детский сад отправляла её мать, а потом – взрослеющую, в коротких юбочках, становящуюся красавицей. Вермишель был старше её лет на пятнадцать и тогда только просто отмечал её, подрастающую, красивую девушку. Однако высказывать свои симпатии не решался, понимал о своей сути довольно много. А тут вроде что-то затмило и без того слабый разум бедолаги.

В приподнятом настроении Вермишель начал прогуливаться чаще обычного да просто шастать по деревне, и всё мимо дома Першиных, как бы невзначай останавливаясь у их палисадника. И встреча с Анной не заставила себя долго ждать.

Вышла она за ворота нарвать травы поросёнку, а Вермишель тут как тут:

– Привет, Аня!

– Чего надо, Вермишель?

– А ты чё делаешь сегодня вечером?

– А у тебя что, предложение есть?

– Да. Поедем на танцы? В соседней деревне клуб ещё работает.

– И как же мы туда попадём? Пешком? Ну нет...

– А у меня мотоцикл есть.

– Мотоцикл?

Анна стояла и смотрела на Вермишеля. Явно как кавалер он был не очень подходящим, неуместным и смешным. Но что делать вечерами одной с родителями? Тоска кромешная. А что, если съездить? Может, там ещё женихи найдутся? Хоть развлечётся немножко...

– А что, Вермишель, заглядывай вечером, поедем...

* * *

Мотоцикл Вермишеля был ещё тем средством передвижения. Доставшийся ему от дяди, он даже иногда ездил и развивал скорость чуть ли не шестьдесят километров в час. Владелец порой с шиком, грохотом и пылью пролетал по деревне, скача по кочкам и колдобинам, и даже мог, развернувшись на краю селения, самостоятельно и благополучно добраться домой на колёсах. На этой технике можно было доехать до соседней деревни, промчаться километров пять. Потом пришлось бы снова Вермишелю его разбирать, искать искру в свече, тормозить тормоза, чтобы те хоть как-то цепляли, уменьшая скорость. Но это уже детали. Важно ведь, что мотоцикл ездил!

* * *

Вот встретились две подруги, уже городские, на деревне... И что тут делать двадцатипятилетним бабам? Как себя развлекать? Клуб сельский не работает. Раньше хоть по субботам-воскресеньям можно было оторваться.

– Нечем тут заниматься, с тоски умрёшь. Два дня походила, порадовалась, повспоминала детство – и всё, хоть удавись, – говорила при новой встрече своей подруге Анька, жаловалась на жизнь в деревне.

– А куда это ты вчера ездила с Вермишелем на мотоцикле? – спросила та в ответ. – Я видела, у окна сидела, а ты даже ноль внимания. Летите так круто на мотоцикле...

– А, на танцульку... в новую Александровку. Да всё прокляла, что поехала. Музон так себе, дискотека называется, женихи сопливые. Да ко всему ещё мотоцикл сломался на обратной дороге – так толкала его, помогала Вермишелю, до дома, все колготки изорвала. В общем, погуляла.

– И что Вермишель тебе рассказывал на свидании?

– На каком свидании? Ты что, белены объелась? Я над ним угорала, он всё пытался у меня про «Алые паруса». Рассказала ему, дураку, про книжку. Сам-то он никогда ничего не читал, а тут заинтересовался...

– А что, Анька, давай тебя замуж отдадим?

– За кого? За сторожа деда Якова?

– Да нет... за Вермишеля!

– Ты что, с ума сошла? Как с ним спать? Я обсмеюсь вся!

– Оу, да не надо с ним спать. Просто устроим веселье. Твой прощальный день перед отъездом. Погуляем. А свадьба – как маскарад. Давай, у меня даже платье невесты есть. Пять лет назад купила, думала, мой дурак на мне женится. А он в отказную. Но теперь оно на меня не лезет. Поправились я немного, а тебе – в самый раз. Вот поугораем. И тебя хорошо проводим.

Недолго отнекивалась Анька, согласилась, она тоже была ещё та приколистка.

* * *

– Ну-ка поди сюда, Вермишель, – сказала Валька, подходя к калитке дома. Хозяин встал с порога и подошёл поближе.

– Чё?

– Ты жениться хочешь?

– Жениться? А на ком?

– Как на ком? Ты с кем это вчера гулял? Совсем иссушил девку. Ты вчера Аньку катал на танцульки? Всё, теперь женись.

Озадаченный Вермишель широко раскрыл глаза, некоторое время пялился на Вальку молча.

– Да я бы... да я бы, – затараторил от неожиданного предложения Вермишель, – но она... она... разве согласится?

– Конечно, задурил девке голову. Теперь иди делай предложение.

– Когда?

– Сейчас и иди, пока она дома. А то ведь уедет в свою Сибирь, и поминай как звали.

* * *

Не только решили посмеяться над деревенским недоумком весёлые девахи, но и продумали, как и кто профинансирует их прощальное развлечение, кто соберёт весь стол праздничный.

– А что, – говорила Валька, – пусть Вермишель забьёт свинью, её давно пора на мясо, и Митрофанна будет довольна, что свинью наконец забили, и печёнку нажарим. Я сама этим займусь, пару подруг из города привезу. В пятницу всё приготовим, в субботу гульнём. Своего знакомого, на девятке, приглашу. И как свидетель липовый будет, и докатит нас до дома Вермишеля. Человек десять соберёмся, попьём самогоночки.

– И её, сердешную, пусть купит Вермишель у Матрёны.

– А нам и тратиться не надо, эх, и весело будет, – пообещала подруга.

В общем, всё было продумано и распланировано.

* * *

Удалось уговорить хозяина будущей свинины на настоящую, прямо-таки сакральную жертву... Вермишель пригласил забить свинью известного забойщика Ватуту – фамилия у него была такая, – уже пожилого человека, работавшего когда-то ветеринаром. Тот забивал хладнокровно, уверенно, так, что животные долго не мучились. Перерезал горло и длинным ветеринарным ножом через надрез доставал до сердца. Животное быстро прекращало мучиться.

Он подошёл уверенно к свинье. Вермишель отвернулся, а потом и убежал, думая, что сейчас невыносимо тяжко начнёт визжать Машка под опытным ножом забойщика. Два мужика, пришедших с Ватутой, ещё должны были держать свинью, свалив её на землю. Но Машка вообще не издавала никаких звуков. Она просто умными глазами посмотрела на забойщика, перерезающего горло, словно понимая миссию свою в судьбе друга. И в луже растекающейся крови тихо закрыла свои очи. Ватута только покачал головой. Никогда он не видал, чтобы животное под его ножом так легко уходило из жизни.

* * *

Сергеева Нинка жила напротив дома Вермишеля. Она была его ровесницей. Учились в одном классе. Всегда ей было жалко своего никудышного одноклассника. И даже старалась порой заступаться за него, когда особенно третировали его в школе. Но все одноклассники выросли, разъехались. Нинка побыла замужем, воспитывала сына. Муж по пьянке утонул в реке, перевернувшись на тракторе (да, даже в такой реке, оказывается, можно утонуть, если выпить пару банок самогонки), и она уже несколько лет вдовствовала...

Можно сказать, думая о ней, что есть, должно быть, у каждого на этой земле другой человек, который чувствует к нему настоящую такую жалость, что как хочешь её называй, но всё равно это будет чистое чувство.

Нинка хотела Вермишеля спасти от насмешек и в этот раз. Случайно узнала она о том, что задумали Анька с Валькой. Прямо скажем, нехорошее дело. А кто ему мог открыть глаза, что-то посоветовать? Кому это надо? Деревня и без того состояла из трёх дедов и двух бабок. Кому из них нужно вмешиваться в чужие дела? Свои болячки беспокоят. Да и был Вермишель отдельно живущим бирюком, с которым общаться-то особо и незачем. Даже если и происходит что-то нехорошее в его судьбе, им какое дело?

А другие люди просто решили вместе посмеяться над дурнем, посмотреть, так сказать, комедию.

* * *

Гармонист был ухарем. Хотя, может быть, и в прошлом. Он растягивал мехи на лавочке у дома Вермишеля. Играл «Барыню», а потом переходил на «Матаню». Раньше, в прошлые годы, сразу несколько человек могли играть на гармонии. А тут как будто повывелись все. Вымерли, что ли. И Вальке с трудом удалось найти специалиста в дальних местах захолустья. И ведь он помнил былые годы своей музыкальной славы! Валька его направила с утра к дому Вермишеля. И гармонист, «выписав» чарку самогонки, расположился на завалинке. Играл. Губа нижняя у него растягивалась, опускалась вниз, словно мехи гармоники, а потом опять возвращалась на место, закрывая на время щербатый рот. Это было смешно. Но так, наверное, музыканту было легче подбирать лады, вникать больше в музыку, не обращая внимания на свою мимику. Но мелодия была правильная. Специалист знал своё дело.

Стали подтягиваться зеваки на музыку, на неведомый и неожиданный праздник – посмотреть, что это происходит у дома Вермишеля. Высунулось из своих калиток несколько любопытных жителей. В основном те самые деды да бабки. Немного их набралось в пустеющей деревне. Смотрела от своего порога за этим действием и Нинка Сергеева. Качала головой. Но ни гулять вместе со всеми, ни вмешиваться в этот балаган не могла. Что бы сказала она гуляющему люду? Не избежать тогда и ей осуждения и насмешек. А у неё же ребёнок, как бы ещё сложился этот разговор с толпой веселящихся... Самому же виновнику торжества она уже говорила...

Пришла по-соседски, рассказала Вермишелю, но тот не поверил, не послушал.

Весело так отвечал:

– Нина, что ты, всё хорошо. Приходи завтра гулять, приглашаю. Я женюсь. – Какая-то безумная радость сквозила во всём его облике. Не слышал никаких слов. Будто на самом деле белены объелся или мухоморов нанюхался.

Выглянувшая из-за занавески мать тоже, кажется, мало что понимала, спрашивала:

– Нина, да на ком он женится? Я так и не поняла.

– Да ни на ком он не женится, Митрофанна, – отвечала Нина и, по сути, говорила правду.

– Ой, – всплёскивала руками мать, – сынок, может быть, ты торопишься с женитьбой?

Но, видя решимость отпрыска и желая ему счастья, тоже не стала вдаваться в подробности, отдала Вермишелю последние деньги на покупку жениховского костюма. Ушла Нинка расстроенная, печальная.

* * *

Свадьба начиналась. Подъехала «девятка», вылезли две городские барышни, расфуфыренные и развязные. И с ними Валька, улыбающаяся, сразу заплывавшая у машины, и «невеста» во всей красе: в фате и белом платье, но во всём облике своём и намёка не имевшая на скромность и целомудрие девицы, выходящей замуж. Вермишель вышел встречать, весёлый, в новом костюме и галстуке. Заиграл гармонист какой-то марш... Уселись за столы. Сами себе расставили яства из туши Машки и огородных растений, разлили самогонку, чокнулись, повторили, загудело застолье с новой силой.

Всё здесь было так, как в старину делали родители: и фата, и застолье, и гости. Иначе Вермишель и не поверил бы, может быть, в свадьбу.

Пили все, кроме Вермишеля.

– Ты чего не пьёшь? – спросила невеста.

– Я как выпью, сразу засыпаю – так на меня действует спиртное. Не могу пить, не идёт. Сразу в сон... И есть не могу... Это же мой товарищ, – показал на печёнку Вермишель.

– Ну, тогда сиди, а мы плясать пошли. Потанцуем? – сказала она уже хорошо подвыпившему свидетелю – так сегодня девчата называли водителя «девятки». И они вышли. И плясали барыню, потом какой-то медляк, и свидетель обнимал невесту совсем не по-товарищески. Приглашал её куда-то на сеновал. Вермишель смотрел, потом подошёл к паре и начал звать:

– Аня, пойдём.

Потом стал её тянуть за платье, как делают малыши, желая обратить внимание своих мам.

– Ну куда ты меня тянешь? – отнекивалась Анна.

– Пойдём, я покажу тебе что...

– Ну что ты мне покажешь? Не даёшь повеселиться. – И она обратилась к своему партнёру по танцу: – Подожди, Кирилл, что-то жениху надо. Сейчас я вернусь.

И они пошли из дома. Повёл жених невесту.

– Ну куда ты меня тащишь?

– Там, покажу тебе, – указывал рукой Вермишель за курятник, за сарай.

– Да я тут вся выпачкаюсь, тут коровьи катяхи у тебя везде, как вляпаюсь сейчас в своих туфлях.

– Подожди, вот сейчас там... подойдём...

Вышли они за сарай, к той мини-мастерской, в которой часто работал Вермишель. И предстало им невиданное, говоря языком сказок, зрелище. В закате солнца стояло что-то неведомое не только для этих мест, но и вообще в мире кораблей и лодок. Какое-то чудо, похожее на плавательное средство, находилось в углу мастерской. Угадывалась в середине его мачта, и красная материя под лёгким ветерком колыбалась, пока не натянутая как парус для неведомого плавания.

– Помнишь, ты рассказывала книжку про алые паруса? – сказал Вермишель озадаченной Анне. – Вот, я чуть не успел доделать его, корабль, к нашей свадьбе. И не рассчитал... до реки не дотащу. Тяжёлый оказался. Ничего, соседей попрошу – дотянем до берега. И поплывём с тобой по реке...

В первую минуту Анна не знала, что ей делать: смеяться над всем этим зрелищем или подыграть своему «жениху».

Да, в закате солнца эта лодка могла показаться романтичному уму истинным средством передвижения в какую-то сказку. Может, и Анне пришло на ум такое сравнение. В душе-то она была прежней девочкой, перечитывающей романтические книжки. И она в какой-то момент другому посмотрела на этот чудный корабль, удивлённая, ошарашенная. Ну не ожидала она. И шутка над Вермишелем показалась, может быть, впервые не такой уж весёлой, как представлялась раньше.

Или пришло какое-то понимание, будто в этом несуразном корабле со смешными красными парусами было что-то никогда не испытанное. Были в её жизни те, обещавшие звёзды в небесах и легко исчезающие. Остались разочарование и усталость от вечной маски бравады и успешности. И вдруг, оказывается, она может вызывать такие чувства... Какие?..

«Но это же смешно», – напомнила ей маска бравады и успешности. И Анька отрезала:

– Ты, Вермишель, совсем, что ли, сумасшедший? – проговорила, словно бы трезвея. – С тобой и пошутить нельзя.

– Всё, – через минуту, будто приходя окончательно в себя, сказала она, – идём к гостям.

* * *

Пришли они к столу. И будто совсем поменялось настроение у Анны. Оттолкнула заохотевшего к ней пристать свидетеля, зыркнула зло на свою подругу, решившую отпустить какую-то шутку.

– Садись, Вермишель, выпьем, – сказала она и налила две стопки.

– Но я же не пью!

– Пей, – повелела она, и жених не посмел перечить, выпил.

Аня тут же налила ещё раз и жестом приказала выпить. Вермишелю было достаточно и одной стопки, чтобы потерять контроль над своим тщедушным телом. А тут сразу две! Чутко посопровтивлялся одолевающему мозг Морфею, и, пока ещё закусывала Анна, он уже уткнулся носом в свободную от тарелок скатерть на столе и сонно засопел. Анна глянула на своего жениха, потом оглядела публику за столом и сказала:

– Всё, пора по домам. Цирк закончился.

– Да мы ещё погуляем, – раздались со всех сторон голоса.

– Как хотите, а я ухожу.

Сбросив с головы под стол фату, она шагнула к выходу. А потом, скинув у калитки туфли, босиком пошла по темнеющей к ночи улице, как ходила когда-то в детстве.

* * *

Нинка поутру пришла в дом Вермишеля. Решила посмотреть, в каком состоянии ново-явленный «молодожён». Видела она, что ночью все ушли, и первой – невеста. Сразу прийти Сергеева не решилась, дождалась утра. Вошла в открытую комнату, увидела спящего на лавке Вермишеля и услышала голос его матери за занавеской.

– Нина, посмотри, живой он там, что ли. Я сегодня даже встать не могу, ноги отказали. А зову его, он не отвечает.

– Да всё хорошо с ним, тётя Зина, спит он. Сейчас я его разбужу.

И начала тормошить спящего Вермишеля.

Тот очнулся и сразу спросил, посмотрев на Нину:

– А где Аня?

– Да уехала она, дурачок ты такой. Домой уехала, в свой город.

– Как – уехала?

– Так и уехала. Пошутили они над тобой. Автобус её уже, наверное, ушёл...

– Не может быть. Я сейчас догоню.

– Да куда ты?

Но Вермишель не слушал – уже бежал к своему мотоциклу.

* * *

Аню провожала к автобусу мать.

– Чего это ты такая невесёлая с утра? Что, вчера плохо погуляли? – спрашивала она дочь, даже не предполагая, что та прошлым вечером «выходила замуж».

– Да всё нормально, мама, просто не выспалась.

Автобус пришёл вовремя. Она села на последний ряд сидений, обернулась и посмотрела в заднее окно на просторы своего детства, будто со всем дорогим ей здесь попрощалась. В добрый путь! Автобус ехал, а она всё оглядывалась в окно, словно что-то забыла дома.

Но вдруг она увидела, оглянувшись в окно ещё раз, вдали на асфальте какой-то знакомый транспорт. Да это же её обманутый жених на своём мотоцикле! И эта техника явно приближалась к автобусу. Вот уже было видно улыбающееся лицо Вермишеля, его руку, призывно ей машущую.

Аня стала подавать ему рукой знаки: мол, уезжай, ты что, совсем спятил, – крутила она пальцем у виска. Кричала, только забавляя народ в автобусе:

– Ты, дурак, езжай назад, домой! – и показывала ему на разворот.

Но Вермишель не слышал. Он поддавал газу...

* * *

Вермишель поддавал газу. Крутил гашетку. Ветер раздувал красную ветровку и резко бил в мужественное от морщин лицо. И казалось, что хотел надуть ветер рдеющие истинным чувством паруса старого фрегата.

Вермишель нагонял автобус и вскоре увидел обернувшуюся к нему Анну на заднем сиденье, видимую хорошо в окне. И она махала ему, будто подавая какие-то знаки. Вермишель не понимал их, как, наверное, не понимал любых знаков в своей бессмысленной жизни. И, возможно, он думал, что Аня просто забыла попрощаться, вот сейчас съездит в город, сделает свои дела и вернётся. Да много каких неадекватных мыслей могло приходить в дурную башку. Он гнал по дороге за рейсовым автобусом, пока его мотоцикл совсем не остановился, получив непомерную нагрузку для такой техники. И замер мотоцикл, стало отдаляться и отдаляться лицо Ани в заднем окне автобуса.

Малая проза

Альфред Николаевич Бодров

Кузовок с белыми грибами

Андрейка с четырёх лет полюбил бегать в ближайший лес по грибы и ягоды. Он уже тогда научился безошибочно ориентироваться в лесной чаще, среди буераков и топи, буреломов, сосен и ельника, лиственницы, ручейков, мхов и лесных потоков. Он настолько не по возрасту глубоко разбирался в тайнах леса, без него ни мамочка, ни старшая сестричка Христина не решались идти в лес по грибы. Он мог свободно войти и выйти из леса не только возле родных мест, но и в малознакомой местности.

Каждое лето мамочка и сестрёнка увозили Андрейку куда-нибудь в путешествие по России. Поэтому, придя в первый класс, он с удовольствием рассказывал друзьям об удивительной природе, с которой он знакомился во время поездок. На следующий год, когда он перешёл во второй класс и ему исполнилось восемь лет, Андрейка оказался на берегу Волги, в старинном русском городке Плёсе. Это место с первозданной природой словно создано небесами для людей творческих, способных удивлять общество разного рода выдумками, придумками и необычными вещами. Конечно, Плёс не могли обойти своим вниманием художники, музыканты, артисты, певцы. Близлежащий лес соблазнял не только загадочной красотой, но и богатством даров природы, целебными источниками, травами, грибами и ягодами. На Волгу мальчика часто привозили, он бывал в верховьях и низовьях великой русской реки, но ему ещё не приходилось бывать в этих исторических краях. Андрейка буквально влюбился в них и, попав в этот лес, не мог его покинуть без волнения.

Прибыв в Плёс, Андрейка на второй же день запросился в лес один, пообещав, что не заблудится и вернётся до захода солнца. Евгения Рубеновна не хотела его отпускать без присмотра одного в незнакомом месте, но сестричка Венера уговорила маму, объяснив, что Андрейка не пропадёт и с ним ничего плохого не случится. Скрепя сердце Андрейку отпустили. Он взял с собой на всякий случай пустой кузовок, если захочет собрать грибов. Венера отрезала ему кусок хлеба с сыром, домашней колбаской и в бутылочку налила чаю. Всё это он сложил в кузовок и в полдень отправился на природу. Во дворе дома, где они остановились на три дня, его догнала с корзинкой Венера.

– Андрейка, подожди, я с тобой пойду, вместе нам будет веселее. Я корзинку взяла, буду ягоды собирать.

Они уже выходили на улицу, как их окликнула мамочка, которая тоже решила вместе с детишками побывать в местном лесу. Андрейка обрадовался, что будет бродить не один по лесной чаще, хотя, как обычно, они разойдутся по разным тропинкам, каждый будет искать своё, но иногда будут весело перекликаться, на опушке соберутся вместе и вернутся назад с грибами, шишками и ягодами. Мальчик был уверен, что они не с пустыми руками выйдут к опушке леса.

Они не сразу попали в рощи, а сначала обошли почти весь город, поражаясь его облику и строениям. В Плёсе всегда было чему удивляться.

Выйдя со двора на набережную, Андрейка поразились красоте Волги, над которой свесились густые кроны ив, лип, берёз и многих других деревьев. Он удивился тому, как мамочка и сестричка равнодушно отнеслись к тому, что его больше всего волновало. Они обогнули вереницу зданий вдоль берега великой русской реки и вскоре поднялись на Соборную гору.

Взглянув здесь на храмы, Андрейка остановился, восхищаясь их видом, несмотря на то, что мамочка торопила его. Спустившись с горы и пройдя ещё немного вокруг большого пруда, они с трепетом вошли в лиственную рощу. Передав маме провиант и поделившись по трём тропинкам, они скрылись в чаще.

Пройдя ещё немного по чуть виднеющейся тропинке, он вышел к небольшому ручью и направился вверх вдоль него. По дороге он зачаровался птичьим многоголосием и чуть не пропустил грибную поляну. Каких только грибов он не увидел: опята, лисички, грузди, свинюшки. Здесь же бледные поганки, мухоморы. Ничто из этого богатства его не трогало, Андрейка искал грибы-боровики, но они не попадались. Вдруг новая поляна открылась перед ним, и он уже готов был броситься к увиденным белым грибам, но, внимательно присмотревшись, обнаружил, что всё это – ложные грибы, ядовитые: под соблазнительной белой шляпкой виднелась вокруг ножки темноватая каёмка. Один, другой, третий. Обиженный на жалких обманщиков юный грибник покинул негостеприимную полянку и через несколько шагов попал на новую. Но его ожидало новое разочарование: никаких грибов глаза мальчика не увидели.

Он уже собирался продолжать путь в лесу, но, наученный опытом, медленно оглядел травянистое пространство вокруг себя и вдруг заметил блеснувшую в солнечном луче шляпку боровичка под кустарником. Андрейка подошёл ближе, нагнулся, осмотрел находку и обрадовался: это был настоящий белый гриб, вернее, грибок, молодой, незрелый, – жалко такой срезать. Он не стал его трогать, зато перед ним открылось целое море белых грибов. Правда, попадались старые, червивые, больные и ложные грибы, но он хорошо в них разбирался и спокойно обходил, не трогая. Андрейка выбирал чистые и молодые боровички и срезал их перочинным ножом, который он всегда носил с собой с шести лет, как только его стали отпускать в лес самостоятельно; он легко усвоил, что грибы надо срезать, чтобы не нарушать спор, благодаря которым грибы размножаются. Кузовок наполнялся быстро, и вскоре в нём возвышалась целая гора соблазнительных шляпок и ножек аккуратно уложенных грибов. Андрейке захотелось вернуться к опушке рощи. Он повернул к журчащему неподалёку ручью и снова пошёл вдоль берега, но уже вниз, к устью. Ручей свернул куда-то в сторону, но Андрейка не растерялся, впереди он увидел опушку и ускорил шаги. И вдруг чуть не споткнулся о поваленное дерево возле пруда. Оказывается, он вышел к другой опушке, теперь это уже был березняк.

– Здороваться надо, малец, или тебя этому не учили? – услышал он голос, исходящий откуда-то из дерева, но говорящего не было видно.

– Вы кто, где вы? – недоумённо спросил Андрейка, оглядываясь вокруг себя.

– Я в листве. Приглядишься – увидишь. Садись на дерево, и я рядом сяду, поговорим.

Действительно, всмотревшись в листву, юный грибник разглядел среди ветвей и листьев в кроне поваленного дерева человеческую голову, глаза и испугался их вида: лицо почти полностью было покрыто шерстью. Андрейка с волнением сел на ствол, испуганно поглядывая в сторону листвы, но уже никого там не увидел. Через несколько мгновений рядом с ним возникла человеческая фигура приличного вида, одетая аккуратно, с чисто выбритым лицом и домрой в руках. Мальчика поразило, что человек, сидевший рядом с ним на поваленной иве, весело наигрывал на инструменте мелодию русской народной песни «Во поле берёзонька стояла».

– По глазам вижу, что удивляешься умению Лешего играть на домре. Угадал?

– Ты Леший? – подивился Андрейка словам собеседника.

– Леший.

– Самый настоящий Леший?

– Самый настоящий Леший. Не веришь?

– Не верю, в сказках про тебя говорят по-другому.

– В сказках ненастоящие лешие живут, а я – настоящий.

– Чем докажешь, что ты – настоящий Леший?

– В сказках лешие – обычные лесные жители, а я не просто живу в лесу, я его охраняю и изгоняю из него злых духов путём игры на домре.

– Где ты живёшь, чем питаешься? На тебе человеческая одежда – где ты всё это берёшь?

– Я живу в шалаше, питаюсь лесными дарами, ягодами, грибами, медом, птичьими яйцами, зазевавшимися птичками, жарю, варю все на костре, привык. Выхожу иногда из леса к ближайшему храму, который собирает одежду для нуждающихся. Там всегда всё можно найти, чтобы согреться и не ходить голым. Я вижу у тебя в кузовке только белые грибы – боровики. Можешь сделать мне подарок?

– Могу. Что тебе подарить?

– Подари мне твои грибы вместе с кузовком, и я тебе тоже приготовлю подарок в ответ. Я не умею находить белые, остальные грибы ко мне сами в руки идут, а белые прячутся и молчат, и я их не вижу. Кикимора болотная не научила собирать, с неё какой спрос, она ведь болотная. Пришлось самому учиться, но так и не научился.

– Хорошо, бери, не жалко угодить настоящему Лешему. Что ты мне подаришь?

– Сколько тебе лет?

– Восемь. Перешёл во второй класс.

– Молодец, уже почти большой человек. Приходи на это место через десять лет, после того как тебе исполнится восемнадцать, окончишь школу и получишь документ о полном среднем образовании. Я подарю тебе удивительную мелодию.

– Ой, так долго ждать. А раньше нельзя? – разочарованно произнёс Андрейка. – Я здесь не живу, могу забыть и не знаю, кто меня сюда привезёт.

– А где ты живёшь?

– Рядом со столицей, на Обнорской горе, возле деревянной клетской церкви во имя иконы Покрова Богородицы. В наших местах когда-то жили миряне с севера, они и назвали гору над Пажей Обнорской.

– Обещай, что пойдёшь учиться в музыкальную школу и обязательно её окончишь. Ты скрипку любишь? По глазам вижу, что не любишь. Я оставляю наказ тебе: слушай скрипку и играй на скрипке – тогда ты сможешь от души принять мой подарок. Обещаешь?

– Обещаю.

– Обещаешь, что не забудешь обо мне через десять лет?

– Обещаю.

– Обещаешь, что ты, научившись играть на скрипке, сам угадаешь, какой подарок я для тебя приготовлю через десять лет?

– Обещаю.

– Молодец, но легко ты раздаёшь обещания. Смотри, не будет тебе подарка, если не выполнишь хотя бы одно из них.

В это мгновение послышался голос Венеры:

– Андрейка, вот где ты! Мы тебя по всему лесу искали. Как ты сюда попал?

– Венера, познакомься: это Леший, настоящий.

Он оглянулся, но рядом уже никого не было. Леший исчез, исчез и кузовок с белыми грибами. Вместо Лешего рядом с Андрейкой лежала забытая сказочником домра.

Через десять лет у входа в концертный зал Московской академии имени Гнесиных висела афиша, на которой значилось: «22 июня 1998 года солист и студент академии Андрей Моргачёв исполнит “Крейцерову сонату” Людвига ван Бетховена и произведения других великих композиторов в переложении для русского народного инструмента домры. Начало в 20 часов».

Во время выступления Андрей в отсветах со сцены заметил возле кресла Венеры во втором ряду знакомую фигуру человека, не научившегося находить в лесу белые грибы.

Висячая пуговичка

Однажды, в середине октября 1950 года, Антоша Кузьменко, вернувшись из школы, объявил матери:

– Мама, сегодня нам Рахиль задала написать сочинение по статье товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

– Она с ума сошла. Какое сочинение может написать ученик восьмого класса по такой сложной для понимания статье? Я пойду в школу завтра же и узнаю всё об этой вашей Рахили.

– Она не Рахиль, а Раиса Михайловна.

– Всё равно пойду к директору и потребую, чтобы её уволили за произвол.

– Она сказала, что так распорядилось городское начальство.

– Врёт, это она выслуживается перед органами, чтобы её не привлекали по обвинению в космополитизме. Я добьюсь своего.

– Мамочка, ты не ведаешь, что говоришь. Если ты пойдёшь в школу, то тебя оттуда заберут в тюрьму за антисоветскую и контрреволюционную пропаганду.

Мама прикусила язык, сообразив, что наговорила много лишнего.

– Мне надо идти, – сказала она сыну. – Буду поздно, меня не жди. Выполнишь домашнее задание – ложись спать.

Проводив Валентину Анатольевну, Антон взял двойной листок в линейку, вывел деревянной ручкой с пером «Пионер» на первой строке синими чернилами заголовок: «И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Сочинение ученика 8-го “Б” класса русской мужской средней школы № 9 г. Цхениси Антона Кузьменко». Подошёл к книжному шкафу и начал перебирать его содержимое, но, не найдя нужной книги, вернулся к столу. Он взял лист бумаги для рисования, открытки с портретами Ленина и Сталина. Немного подумав, приступил к работе. Антон давно собирался нарисовать портреты вождей, но не понимал, как это лучше сделать.

Однажды мама подсказала, как правильно перенести рисунок вышивки с эскиза на ткань. Таким же способом он собирался нарисовать портреты Ленина и Сталина. Антошка быстро расчертил открытки с портретами. Посадив великих учителей в клетки, он приступил сначала к изображению Ленина. Работа шла быстро. Изобразив Ленина, он приступил к Сталину, наметил уже голову, но в этот момент в дверь постучали, и без приглашения в комнату ворвалась соседка Ирма Дгебуадзе с литровой бутылкой в руках. Антон инстинктивно спрятал вождей в ящик стола, но убрать свои рисунки не успел.

– Антоша, мамы нет дома? – спросила она громко, твёрдо и требовательно.

– Нет.

– Можно я у вас позаимствую литр керосина?

– Не могу без мамы вам дать керосин, без её разрешения не дам.

– Как же так, Антоша? Я часто беру у вас керосин, и твоя мама разрешает, а когда ей что-то надо, она ко мне приходит и просит, я ей не отказываю ни в чём, если есть такая возможность.

– Мама придёт, если разрешит, тогда берите, сколько вам надо.

Соседка увидела на столе рисунки на бумаге в клетку и сказала назидательно:

– Я вижу, ты увлекаешься рисованием. Нельзя непрофессиональному художнику рисовать портреты наших вождей, может выйти карикатура.

Она выскочила из комнаты, с силой хлопнув дверью. Антону расхотелось рисовать портреты, он спрятал рисунки в ящик стола, но рвать их не стал.

Валентина Анатольевна возвращалась домой около полуночи. Вдруг её охватила оторопь, сердце оборвалось, ноги стали ватными, уши неприятно задёргались, и её охватил ужас, когда

она увидела возле входа в дом очертания служебного автомобиля. Первая мысль, что мелькнула в голове, была: «Господи, что будет с Антошей?»

Тем не менее в её сторону уже подходили двое мужчин крепкого телосложения, выше среднего роста, в широкополых фетровых шляпах, в макинтошах-реглан и широконосых ботинках на шнурках. Лиц она не видела, но поймала их холодный металлический, пронизывающий душу, крысиный взгляд, отчего ей захотелось провалиться сквозь землю.

– Гражданка Черемных? – спросил её тот, кто был ростом повыше и солиднее остальных.

– Да, – с трудом промолвила она упавшим голосом.

Другой мужчина, любезно раскрыв заднюю дверцу, тоном, не допускающим возражений, предложил ей сесть в машину. С подкашивающимися ногами, словно телок на заклате, она села и тут же оказалась зажатой между двумя мужчинами. Тот, кто был солиднее остальных, сел на водительское место. Они ехали быстро, но долго и молча.

Подъехав на место, «виллис» остановился. Мужчины помогли Валентине Анатольевне выйти наружу, и она тут же почувствовала свежий воздух, над собой заметила очертания горных заснеженных вершин и увидела, что находится на берегу какого-то бурного потока. Тот, что сидел за рулём, повёл её почти к кромке берега. Сделай она ещё шаг – и может оказаться в ледяной пене. Сотрудник госбезопасности буквально вплотную встал перед ней, вынудив её сделать полшага назад. Она с неприязнью смотрела на него, ощущая на себе его тяжёлый изучающий взгляд, и с ужасом подумала, что вот сейчас этот тип бросится на неё, повалит на камни, поиздевается вволю и скинет в пену.

– Вы Черемных Валентина Анатольевна? – спросил он громко, чтобы перекрыть шум реки.

– Да, – отвечала она, тоже как можно громче, но шум заглушал её голос.

– Одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения?

– Да.

– Русская?

– Да.

– Партийная?

– Нет.

– Замужем?

– Нет, разведена.

– Я полковник МГБ Мерабов Заур Варламович, начальник горотдела МГБ. Я только что назначен и стал знакомиться с делами. Я познакомился с вашей папкой и обратил внимание, что вас выслали из Ростова-на-Дону в город Цхениси, по прибытии вы поселились в доме Жванция, человека с сомнительной репутацией. Вы прикрывали контрреволюционную деятельность мужа, который был членом террористической тайной организации «Викжель-2». Он получил пять лет по постановлению Особого совещания при НКВД. Теперь вы обязаны содействовать работе органов госбезопасности, иначе...

– Что «иначе»? – спросила Валентина Анатольевна.

– Иначе вы с сыном будете высланы. Отныне вы становитесь секретным сотрудником МГБ и будете подписывать свои донесения кличкой Мулине.

Как он был в это мгновение омерзителен, этот хам и карьерист. Она ответила:

– Мой муж не был организатором антисоветской организации и контрреволюционной деятельностью не занимался, он служил диспетчером на железнодорожной станции Ростов-Главный. Если нет настоящего врага, надо его придумать? И я не собака, чтобы откликаться на клички.

Мерабов выхватил револьвер и направил его прямо в грудь женщине.

– Застрелю, сволочь вражеская, и скину тебя на камни под воду! – орал он, размахивая оружием у её лица.

Женщина стояла спокойно, с достоинством и внутренне насмехалась над сотрудником органов, уверенная, что он её не застрелит и не скинет в бурлящий поток. Она ждала продолжения спектакля, теряясь в догадках, зачем ему понадобилась.

Допрос окончился, её снова посадили в машину, и та рванула с места. Подъехав к дому Жвания, её выбросили из машины. Женщина лежала ничком на пожелтевших листьях, не в силах подняться на ноги. Она потеряла чувство времени, всё чувствовала вокруг себя, ощущала под собой ледяные камни, которыми был вымощен тротуар. Она, словно удав, глотала свежий горный воздух с капельками дождя, который гнал на город ветерок с верховьев реки Цхенискали, но оставалась при этом безвольной и беспомощной. В это мгновение Валентина Анатольевна ощутила сначала с одного бока, потом с другого приятную теплоту, которая растекалась по всему телу. Расслабившись и не отдавая себе отчёта в том, что делает, с закрытыми глазами подставила лицо какому-то существу, от которого исходило тёплое дыхание, а это существо с лаской, осторожностью и нежностью облизывало её лицо.

Громкий и твёрдый голос над ней привёл Валентину Анатольевну в чувство:

– Валентина, что с тобой, почему ты в таком виде?

Это была соседка Марго.

– Меня допрашивал Мерабов, привёз сюда и выкинул из машины, как куль с картошкой.

– Мерзавец, он и до тебя добрался. Чего он от тебя хотел?

– Он потребовал, чтобы я доносила ему, угрожал ссылкой в Казахстан, если откажусь.

– Сволочь он. Пойдём в дом.

Через неделю хозяин дома пригласил Валентину Анатольевну на свадьбу своей племянницы, которая должна была состояться далеко в горах Асахи, в усадьбе Белания – родственника жениха.

– Но с пустыми руками ехать на свадьбу я не могу, – отвечала она на приглашение. – Чем я могу порадовать новобрачных?

– Ничего не надо, ваше присутствие уже будет прекрасным подарком для них.

– Когда свадьба должна быть? Я могла бы приготовить что-нибудь с вышивкой. Невеста любит вышивку? Это очень модно сейчас, особенно болгарским крестом.

– Да, это будет хорошо. Свадьба состоится через две недели. Я принесу вам платье для невесты, сможете его украсить своей вышивкой?

– Думаю, что смогу, приносите.

Через две недели Валентину Анатольевну увозили из города. Её встретили с большим радушием и гостеприимством, усадили на почётное место, рядом с тамадой Белания. С огромным восторгом и аплодисментами гости приняли поздравления, произнесённые Валентиной Анатольевной на местном наречии, которое она неплохо усвоила за время ссылки в эти края с довоенного, тридцать седьмого года.

Невеста с огромным удовольствием демонстрировала своё торжественное платье с кружевами ручной работы, выполненными Валентиной Анатольевной, мастерицей на все руки.

Полковнику Мерабову стало известно о пребывании на Северном Кавказе предателя родины и пособника фашистов Звиада Белания. Он принял решение лично возглавить группу захвата для его ареста и потому на некоторое время выпустил из виду Валентину Анатольевну, готовясь к боевой операции.

Так совпало, что Мерабов с оперативной группой направился в Асахи в тот же день, что и Валентина Анатольевна, но на три часа позднее. Ещё издали чекисты услышали весёлые голоса, музыку, видны были зажжённые факелы, от которых исходили густой чёрный дым и тепло, несмотря на промозглый горный воздух. Оказавшись на территории усадьбы, Мерабов не сразу увидел государственного преступника, но зато взгляд выхватил из множества гостей знакомую фигуру Валентины Анатольевны на почётном месте за столом, чему он немало удивился.

Однако Белания сразу понял причину появления чекистов в Асахи. Не имея возможности скрыться, тамада потянулся за револьвером, с которым никогда не расставался. Увидев боковым зрением рукоятку оружия, Валентина Анатольевна инстинктивно перехватила его руку. Прогремивший в воздухе выстрел вызвал панику и суматоху среди гостей. Мерабов в одно мгновение оказался возле Белания с наручниками, но замкнуть их не успел. Неизвестно откуда взявшиеся две кавказские овчарки накинулись на полковника, повалили его на землю и вцепились ему в шею. Чекисты застрелили собак, но они успели прогрызть ему артерию. Кровь брызнула фонтаном, гости с шумом и криками стали разбегаться в стороны и разъезжаться.

Молодожёны скрылись в особняке. Белания, воспользовавшись обстановкой, пытался ускользнуть, но из-за болевого приёма, применённого Валентиной Анатольевной, схватившей его за руку, упал на землю. Чекисты схватили преступника и вместе с безжизненным телом своего начальника увезли в город.

Ко дню празднования тридцать третьей годовщины Октябрьского переворота большевиков Валентина Анатольевна Черемных-Кузьменко была награждена Почётной грамотой Правительства Союза ССР за задержание особо опасного государственного преступника.

Полковник Парадов, заменивший погибшего Мерабова, организовал в городском Доме офицеров Красной армии торжественное собрание сотрудников городского отдела МГБ по случаю вручения Валентине Анатольевне высокой правительственной награды и небольшой банкет по этому торжественному случаю. На торжествах присутствовал и Антон, который очень гордился своей мамой. На банкете он вдруг заволновался, потеряв её из виду. Потерянный, он бесцельно бродил по залу, чуть не плача. Кто-то из сердобольных женщин, обратив на это внимание, подошёл к нему, чтобы утешить:

– Ты ищешь маму?

– Да.

– Ты немного подожди, она сейчас разговаривает в кабинете у большого начальника. Мама скоро освободится. Вы где живёте?

– За Цепным мостом.

– В доме с красным фонарём?

– Почему вы так говорите? Моя мама – честная, хорошая, любит меня, а вы... вы злая, злая, злая. – С этими словами он набросился на женщину с кулаками.

Она с трудом отбивалась от него, пытаясь успокоить, но Антоша вырывался, что-то кричал, злился, глаза налились кровью. Казалось, ещё немного – и он начнёт всё крушить и ломать. На шум подбежали ещё люди, но мальчик никого не слышал, он рвался из цепких рук мужчин к выходу. Антон был в такой ярости, что плохо соображал, что творит, и крепкие руки сотрудников отдела не могли с ним совладать.

В это время из кабинета начальника выбежала Валентина Анатольевна и чуть не упала без чувств, увидев обезумевшего сына, но тут же пришла в себя, подошла к нему, погладила по голове, и он сразу же утих.

Верхняя висячая пуговичка на кофточке из джерси у Валентины Анатольевны всегда была проблемой, застёгиваясь с трудом. Она была чуть больше, чем петелька. Услышав шум и крики сына, она выскочила в зал, оставив строптивую пуговичку в покое.

Антон, взглянув на мать, заметил под незастёгнутой верхней пуговичкой малозаметное тёмное пятнышко на шее, показавшееся ему при верхнем рассеянном свете люстры огромным кровавым пятном, и он ревниво спросил, плохо скрывая слёзы:

– Мамочка, у тебя снова не было выбора, да?

– Ты о чём, сынок?

Не слушая маму, Антоша сказал:

– Мамочка, я теперь знаю, как надо писать сочинение. Надо его писать от третьего лица, а ещё написать введение, заключение и план работы.

– Поедем домой, сынок.

Заместитель Парадова подполковник Зубенко вызвался их подвезти на служебном «виллесе».

Дома Антон крепко заснул. Он не видел, как у его матери помимо воли тихо потекли слёзы. Вспомнились ей первые дни после ареста мужа. Её уволили из школы как члена семьи врага народа, лишили средств к существованию.

Летом 1932 года на станции Ростов-Главный Северокавказской железной дороги произошёл пожар, горел пассажирский поезд Москва – Ереван с людьми. Однако только лишь в 1937 году в поджоге обвинили диспетчера станции Андрея Кузьменко как руководителя несуществующей антисоветской террористической организации «Викжель-2», несмотря на то, что под его руководством была организована работа по ликвидации пожара и он лично участвовал в его тушении. Только с развенчанием культа личности Иосифа Сталина открылось, что пожар пассажирского состава с гибелью людей произошёл по вине самих сотрудников госбезопасности, чтобы выдвинуть предлог для разгрома партийных организаций в Закавказье и обвинить их в терроризме.

Через месяц после банкета в отношении Валентины Анатольевны было возбуждено уголовное дело за антиобщественный образ жизни, несмотря на правительственную награду. Оно было сфабриковано на основании заявления Ирмы Дгебуадзе, которая после суда призналась, что отомстила Антону за отказ дать ей литр керосина. Суд вынес постановление о выселении Валентины Анатольевны вместе с сыном в Казахстан в течение семидесяти двух часов.

После оглашения приговора Антоша бросился матери на шею.

– Мамочка, а знаешь, что мне приснилось тогда ночью, после банкета? – спросил он. – Мне приснилось, как наш вождь поднялся на Бадаевскую гору и говорил о добре и зле. Я чувствовал, как ты сидела рядом со мной и плакала.

– Я думала, что ты спишь, хитрец, – сказала она, ласково потрепав его за волосы.

Как медведь Лешего одолел

Медведь Воевода протёр глаза после зимней спячки, вызвал к себе птицу Иволгу да так рыкнул, что у несчастной с хвоста перья посыпались:

– До каких пор у меня под боком Леший будет строить козни против меня?

Мишка от возмущения даже на задние лапы встал и передними так замахал, вот-вот на пернатую набросится. Иволга взлетела, и была служанка такова.

– Я разберусь с Лешим так, что ему не поздоровится, – громко прорычал Топтыгин.

Лес содрогнулся, услышав этот рык. Леший тоже перепугался, хотя был не робкого десятка. Он скрылся в лесной чаще. Мишка и там нашёл своего недруга. Столкнувшись с Лешим, Воевода не растерялся и пошёл прямо на него, но тот увернулся, прыгнул ему на голову.

Совсем обозлился мишка и побежал, не разбирая лесных троп. От злобы он ослеп. Крепко вцепился Леший в голову Топтыгину. Бежит и думает косолапый, что скорее освободится от ненавистного наездника, если быстро добежит до какого-нибудь болота.

Всё лесное население попряталось в кустах, по деревьям, в норах. Лишь всякая нечисть повылезала наружу. Она выла, свистела, пищала, мяукала, лаяла, квакала, кричала, поддерживая Лешего. Это были упыри, кикиморы болотные, пиявки, клещи да пауки.

На пути бегущего мишки оказался Ленивец. Он висел на суку вниз головой и размышлял. Все интеллигенты размышляют, неважно о чём, лишь бы размышлять. Ленивец был интеллигентом и потому размышлял. Все ленивцы размышляют, потому что интеллигенты. Никто из лесного братства так не мог размышлять, как Ленивец. Он висел вниз головой, держался хво-

стом. Ему хорошо было размышлять: смотришь на лес и зверьё сверху вниз – совсем другое впечатление получаешь.

Висит Ленивец на суку вниз головой и ждёт гостей на коре дерева. Увидит и нехотя своим шершавым длинным языком слизнёт участников трапезы, снова висит, зацепившись хвостом за ветку дерева. В полусне он размечтался, как к нему на трапезу добровольно идут самые любимые лакомства, становятся в очередь и идут, идут. Сами идут, без принуждения, при этом славословят Ленивца, выкрикивают ему здравицу. Не просто идут, а с выдумкой: то карнавальным шествием, то военным маршем, то парадом физкультурников. А он полакомится первой партией живого яства и закроет глаза от удовольствия под торжественные и сладостные звуки здравицы в его честь. Ленивец так размечтался, что не заметил, как свалился на землю, сбитый пробежавшим Воеводой. Нёсся мишка с Лешим на голове и с размаху плюхнулся в озерцо, которое оказалось на его пути.

Топтыгин вылез на берег, встряхнулся и развалился на берегу, чтобы обсушиться на солнце. Лежит мишка и, зажмурившись, подставляет солнцу то один бок, то другой. Вдруг он вспомнил, что после зимней спячки у него ещё и маковой росинки во рту не было. Поднялся на задние лапы и с рыком отправился на охоту.

В это время сороки снова застрекотали, но теперь все поняли, о чём трещали сороки, потому что поблизости за деревьями хорошо был слышен громкий медвежий рык.

Сороки разнесли по всему лесу новость:

– Медведь остаётся хозяином леса. Многая лета нашему Воеводе.

Всё лесное население, в страхе укрывшись в чаще, трижды прославило хозяина леса. Михаил Топтыгин, утолив голод, великодушно простил Лешего, и в лесу снова воцарились мир и согласие.

Как задумал старый дед

1

Лежит старый дед на печке, кости греет и думает: «Голова не держится, суставы ноют, некому горшок щей и каши в печку поставить, надо сено ворошить. Что делать? Пойду-ка я в соседнее село и бабку Маланью позову к себе в хозяйки». Повернулся на бок дед и снова думает: «Голова не держится, суставы болят, не дойду до бабки Маланьи, придётся самому варить себе щи да кашу». Приподнялся, сел, свесив ноги с полки, опять думает: «Голова не держится, суставы ноют, не сварить ни щей, ни каши. Пойду-ка за бабкой Маланьей».

В этот момент в открытую форточку залетел серый воробышек. Он был нахальный такой, всю горницу облетел, за божницу бесстыдно залетел, по столу попрыгал, нашёл какие-то крошки хлебушка, взлетел и сел на открытую форточку. Сидит, головой туда-сюда вертит, чирикает да вдруг человеческим голосом как запоёт:

Ловкий серый воробей,
Не гоняю голубей.
Я летаю меж людей,
Ловкий серый воробей.
Прыг-скок, прыг-скок, скок-поскок,
Обвалился потолок.
Воробью кто подаёт,
Бог сторицей воздаёт.

Потянулся дед за ухватом, схватил его и стал пугать неожиданного гостя. Серый нахал слетел на ухват. Видя, что воробей не собирается покидать горницу, дед поставил ухват на место, а воробей снова взлетел на форточку и зачирикал: «Не ходил бы ты, дед, к бабке Маланье, она кочергой угостит». Прочирикал и был таков, вылетел вон. Устал дед, лёг на полку и думает думу свою: «Голова не держится, суставы ноют. Что делать? Пойду-ка за бабкой Маланьей». Повернулся на бок и думает: «Голова не держится, суставы ноют, не дойти мне до бабки Маланьи, некому щи да кашу варить». Тяжело вздохнул старый дед и сел на полку, свесив ноги. Сидит и думает: «Пойду-ка за Маланьей, не сидеть же мне на печке без каши и горшка шей». Собрался на пол встать, но в этот момент в форточку синичка залетела. Облетела она всю горницу, залетела за божницу, походила по столу, взлетела на форточку и зазвенела:

Я синичка-невеличка,
Невеличка я синичка.
Я летаю меж людей.
Сальце дайте поскорей.
Прыг-скок, прыг-скок, скок-поскок,
Обвалился потолок.
Кто синичке подаёт,
Бог сторицей воздаёт.

Потянулся дед за ухватом, схватил его и стал пугать пернатую гостью, которая тоже не собиралась восвояси. Дед плюнул и поставил ухват на место, а синичка села на форточку и зазвенела: «Не ходил бы, дед, к бабке Маланье, она кочергой угостит». Старый дед прикрикнул: «Цыц, вертихвостка!» Синичка и вылетела вон.

Устал дед, лёг на полку и думает думу свою: «Голова не держится, суставы ноют. Что делать? Пойду-ка за бабкой Маланьей». Повернулся на бок и думает: «Голова не держится, суставы ноют, не дойти мне до бабки Маланьи, некому мне щи да кашу варить». Тяжело вздохнул старый дед и сел на полку, свесив ноги. Сидит и думает: «Пойду-ка за Маланьей, не сидеть же мне на печке без каши и горшка шей». Собрался на пол встать, но в этот момент в форточку сорока-белобока залетела. Облетела всю горницу, залетела за божницу, взлетела на форточку и застрекотала:

Сорока-белобока
Кашку не варила,
Деток не кормила,
Ложки уносила.
Прыг-скок, прыг-скок, скок-поскок,
Обвалился потолок.
Кто сороке подаёт,
Бог сторицей воздаёт.

Потянулся старый дед за ухватом, схватил его и стал пугать незваную гостью. Видя, что сорока не собирается покидать горницу, дед поставил ухват на место, а сорока-воровка села на форточку и застрекотала: «Не ходил бы ты, дед, к бабке Маланье, она кочергой угостит». Старый дед прикрикнул на сороку: «Цыц, воровка языкастая!» Она спланировала на стол, схватила чайную серебряную ложечку и вылетела вон.

Устал старый дед, лёг на полку и думает думу свою: «Голова не держится, суставы ноют, некому щи да кашу сварить. Пойду-ка к бабке Маланье». Повернулся на другой бок и снова думает: «Голова не держится, суставы ноют, не дойти мне до бабки Маланьи». Тяжело вздох-

нул дед Макар и сел, свесив ноги с печки. Сидит и думает: «Некому щи и кашу сварить да сено ворошить. Пойду-ка к бабке Маланье». Старый дед снова подумал: «Голова не держится, суставы ноют, не пойду к бабке Маланье, она меня кочергой встретит. Что мне делать, как мне быть?»

Наверное, дед Макар так до сих пор и думал бы, ходить или не ходить к бабке Маланье свататься, да внучка Алёнка помогла решить эту нелёгкую задачку. Пришла из города внучка Алёнка деда навестить. Ей было шестнадцать лет. Очень умелой была внучка, всё у неё спорилось в руках. Она прибрала в горнице у деда, поставила в печку щи варить да кашу парить, сено поворошила, даже штaketник подняла.

Поведал дед внучке Алёне, как надумал идти за бабкой Маланьей в соседнее село, да кости болят, суставы ноют.

Говорит внучка Алёна дедушке Макару:

– Дедушка, я пойду к бабке Маланье и приведу её.

Старый дед замахал на неё руками:

– Что ты, что ты. Если ты приведёшь, я вас обеих ухватом с порога спущу.

Алёна не поверила деду и, не сказав ему ни слова, молча отправилась в соседнее село. На меже между сёлами Алёнка повстречала юношу восемнадцати лет. Они встретились взглядами и влюбились друг в друга.

– Ты кто? – спросил юноша девушку.

– Алёна, внучка старого деда Макара, иду в соседнее село за бабкой Маланьей. А ты кто?

– Я Гаврила, внук бабки Маланьи, иду в соседнее село за старым дедом Макаром.

Алёна спросила Гаврилу:

– Ты сказал бабке Маланье, куда идёшь?

– Нет, – ответил он, – она грозила с порога прогнать кочергой меня и деда, если приведу его. А ты сказала деду, куда идёшь?

– Нет, – ответила Алёна. – Дед меня тоже грозил с порога спустить ухватом, если приведу бабку Маланью.

Алёна и Гаврила засмеялись. Гаврила сказал Алёне:

– Бежим вместе в город?

Алёна обрадовалась и ответила, взяв Гаврилу за руку:

– Бежим.

Алёна и Гаврила пришли в город, повенчались в храме и сыграли весёлую свадьбу. Через год у них родилась дочка, и назвали её Варварой. Через четыре года Варвара краса – дивная коса спросила:

– Привёл дед бабку Маланью к себе в дом?

А Варваре отвечают:

– До сих пор сидит на печке дед с ухватом и думает, идти или не идти к бабке Маланье.

2

Лежит бабка Маланья у себя в избе на печи да думает, звать к себе деда Макара в хозяйева али не звать. Повернулась на бок бабка Маланья и снова думает: «Голова не держится, суставы болят, не дойду до деда Макара». Села, свесив ноги с печки, опять думает: «Голова не держится, суставы ноют, сено надо ворошить, порожек поправить. Пойду-ка к деду Макару».

Собралась бабка Маланья к деду Макару, но в этот момент в форточку синичка залетела. Облетела она всю горницу, залетела за божницу, походила по столу, взлетела на форточку и зазвенела:

Я синичка-невеличка,

Невеличка я синичка.
Я летаю меж людей.
Сальце дайте поскорей.
Прыг-скок, прыг-скок, скок-поскок,
Обвалился потолок.
Кто синичке подаёт,
Бог сторицей воздаёт.

Потянулась бабка Маланья за кочергой, схватила её и стала пугать пернатую гостью, которая не собиралась восвояси. Бабка Маланья плюнула и поставила кочергу на место, а синичка вылетела в форточку.

Устала бабка Маланья, легла на полку и думает думу свою: «Голова не держится, суставы ноют. Что делать? Пойду-ка к деду Макару». Повернулась на бок и думает: «Голова не держится, суставы ноют, не дойти мне до деда Макара, некому сено ворошить и порожек поправить». Тяжело вздохнула бабка Маланья и села, свесив ноги с печки. Сидит и думает: «Пойду-ка к деду Макару».

В этот момент в форточку сорока-белобока влетела. Облетела она всю горницу, залетела за божницу, походила по столу, взлетела на форточку и застрекотала:

Сорока-белобока
Кашку не варила,
Деток не кормила,
Ложки уносила.
Прыг-скок, прыг-скок, скок-поскок,
Обвалился потолок.
Кто сороке подаёт,
Бог сторицей воздаёт.

Потянулась бабка Маланья за кочергой, схватила её и стала пугать пернатую гостью, которая не торопилась восвояси. Бабка Маланья плюнула и поставила кочергу на место, а сорока-белобока прострекотала: «Не ходи к деду Макару, не ходи к деду Макару – познакомишься с ухватом», – схватила серебряное колечко со стола и была такова.

Устала бабка Маланья, легла на полку и думает думу свою: «Голова не держится, суставы ноют. Что делать? Пойду-ка к деду Макару». Повернулась на бок и думает: «Голова не держится, суставы ноют, не дойти мне до деда Макара, некому сено ворошить и порожек поправить». Тяжело вздохнула бабка Маланья и села, свесив ноги с печки. Сидит и думает: «Пойду-ка к деду Макару, но встретит он меня ухватом. Что мне делать, как мне быть?»

В этот момент в открытую форточку залетел серый воробышек. Нахальный такой был воробышек, всю горницу облетел, за божницу бесстыдно залетел, по столу попрыгал, нашёл какие-то крошки хлебushка, взлетел на форточку. Сидит, головой туда-сюда вертит, чирикает и вдруг человеческим голосом запел:

Ловкий серый воробей,
Не гоняю голубей.
Я летаю меж людей,
Ловкий серый воробей.
Прыг-скок, прыг-скок, скок-поскок,
Обвалился потолок.
Воробыю кто подаёт,

Бог сторицей воздаёт.

Потянулась бабка Маланья за кочергой, схватила её и стала пугать неожиданного гостя. Видя, что воробей не собирается покидать горницу, бабка Маланья поставила кочергу на место, а серый нахал прочирикал на форточке: «Не ходи к деду Макару, не ходи к деду Макару, не ходи к деду Макару – познакомишься с ухватом», – прочирикал трижды да и вылетел вон в форточку.

Устала бабка Маланья, легла на полку и думает думу свою: «Голова не держится, суставы ноют, некому сено ворошить, некому порожек поправить. Что делать? Пойду-ка к деду Макару». Повернулась набок и думает: «Голова не держится, суставы ноют, не дойти мне до деда Макара. Некому сено ворошить и порожек поправить, пойду к деду Макару».

Тяжело вздохнула бабка Маланья и села, свесив ноги с печки. Сидит и думает: «Некому сено ворошить, некому порожек поправить, пойду-ка к деду Макару». В этот момент бабка Маланья вспомнила, что ей прочирикал воробей и подумала: «Голова не держится, суставы ноют, не пойду к деду Макару, он меня ухватом встретит. Что мне делать, как мне быть?»

Так до сих пор и думала бы, если бы не внучка Дарья. Проведать бабу Маланью из города пришла младшая внучка Дарья, шестнадцати лет. Деловитая, умелая была внучка. Она и сено поворошила, и корму задала скотине, вычистила коровник и свинарник, порожек поправила, в горнице прибрала, щи да кашу в печку поставила. Говорит бабке Маланье:

– Пойду за дедом Макаром, приведу его к тебе.

Испугалась бабка Маланья, замахала кочергой на внучку да крикнула:

– Если ты приведёшь его, я вас обоих с порога спущу, кочергой по спине огрею.

Пошла молча внучка Дарья в соседнее село за дедом Макаром, но на меже встретила со старшим внуком деда Макара восемнадцати лет. Встретились они взглядами и с первой встречи полюбили друг друга.

– Ты кто? – спросила Дарьюшка юношу.

– Я старший внук деда Макара, Кондрат. Иду за бабушкой Маланьей. Дед не пускал, грозил огреть меня и бабушку ухватом. А ты кто?

– Я Дарьюшка, младшая внучка бабушки Маланьи. Иду за дедом Макаром, приведу к бабушке Маланье. Она меня грозила по спине кочергой огреть и деда Макара, если я его к ней приведу.

– Бежим в город? – позвал Кондрат Дарьюшку за собой.

– Бежим, – ответила Дарья. Они взялись за руки и ушли в город.

Повзрослели Дарья и Кондрат, встретились в городе, полюбили друг друга с первого взгляда, но без благословения деда Макара и бабушки Маланьи венчаться не могли. Пришли к деду Макару молодые за благословением, а дед спрашивает:

– А бабка Маланья благословила вас?

– Ещё нет, мы сейчас пойдём к ней просить благословения, – отвечала внучка.

Дед Макар говорит им:

– Не будет вам моего благословения, пока вас не благословит бабка Маланья. Идите, иначе вас ухватом огрею.

Побежали они не солоно хлебавши к бабушке Маланье. Она и говорит им:

– Я вас благословлю, если благословит дед Макар. Идите, пока я вас кочергой со двора не прогнала.

Пришлось снова идти с поклоном к деду Макару. Не дослушав внука, как замахнётся дед ухватом. Дарья и Кондрат выбежали из горницы на улицу и решили снова идти с поклоном к бабушке Маланье. Увидев на пороге свою внучку Дарью, бабка Маланья не стала её слушать и замахнулась кочергой.

Взявшись за руки, молодые выбежали со двора бабушки Маланьи, остановились у межевого столба в поле и думу думают, как им быть, никто не хочет их благословить. Вдруг Кондрат

оглянулся и увидел деда Макара. Он шёл в их сторону, с трудом передвигая ноги и держа в руках ухват. Издали он кричит им:

– погоди, ужо я тебя и твою суженую ухватом благословлю. – Торопится дед Макар, но ноги не пускают его.

Оглянулась Дарья в другую сторону и увидела бабу Маланью. Она тоже торопилась в их сторону, держала в руках кочергу и размахивала ею, но ноги не позволяли идти быстро. Она охала и ахала, кричала издали:

– погоди, Дарья, я сейчас тебя и твоего суженого кочергой благословлю.

Вот уже близко дед Макар и бабу Маланья. Что делать?

Дарья и Кондрат встали за межевой столб и ждут, что дальше будет.

Встретились дед Макар и бабу Маланья на меже и спрашивают друг друга: «А не благословить ли нам молодых?»

Получили благословение Дарья и Кондрат, повенчались и сыграли весёлую свадьбу. Почётными гостями на их торжестве были дед Макар и бабу Маланья.

Елизавета Муратова

Дети одиночества

*Слёзы перестают тушить пламя,
раны становятся шрамами,
могилы остаются безымянными,
а он умирает.
Умирает в бесконечности,
где аисты исполняют реквием.*

Пятеро на скотобойне

День обещал быть знойным. Всюду висели туши. Пятеро мальчиков через поле шли на скотобойню. Огромная звезда только вставала над далёким горизонтом. Вокруг летали надоедливые мухи и шумела близлежащая дорога. Воздух был тяжёлым, и от цехов несло сырым мясом.

Юношам поручили разделать пятерых поросят. Свежайших, как уточнил хозяин этого места, который исключительно по доброте душевной и исключительно за десять сильных молодых рук разрешил мальчишкам работать у него за копейки. Но главное в этом – труд, как всегда, уточнял хозяин.

В комнате, где все шесть стен источали холод, на столах, составленных квадратом, лежали туши. Юноши, закатав рукава в засохшей крови, принялись за работу. А за работой у них всегда случались разговоры.

Глаза этого мальчика всегда были скрыты под соломенной шляпой.

– Интересно, как их звали?

Юноша небрежно вытер руки фартуком и закурил. Сигарета замелькала в полумраке почти огоньком надежды.

– Уверен, что никак. Уверен, что они безымянные.

Друг их поёжился и подтянул перчатки ещё выше.

– Мерзкая это работа, – высказался мальчик без рубашки, а был он без неё просто оттого, что ему было её жалко пачкать.

– Обычная это работа, где надо рукава закатать и молча трудиться.

Он протёр лоб, и шляпа заёрзала на его голове, словно ей там было неудобно.

– И что ж это за труд такой? Порой мне кажется, что вся молодость просто проплывает мимо, вся в белом и кружевном, на плоту с нагретыми от солнца досками, а я стою на берегу реки и провожаю её взглядом. А со мной на берегу только мёртвые свиньи, в чьих кишках я копаюсь со своими товарищами, зная, что каждый из них хоронит эту молодость.

Этот друг стоял босиком, и неважно, какая земля была у него под ногами. То ли пожухлая трава, то ли чьи-то кишки.

– Какое дело может быть до молодости, когда есть любовь. Заработать столько, чтобы купить себе такое огромное поле, и по ночам, в свете луны, бегать по нему, крепко держа за руку прекрасную девушку, с которой у вас будет самая страстная любовь и крепкая дружба.

Перчаточник ухмыльнулся:

– Ты поэтому на луну воешь?

Кишки прилипли к пяткам.

– Ничего я не вою. Я загадываю желание, когда звёзды падают.

По голой спине побежали мурашки.

– Как вы глупы. Молодость, любовь, надежды... Разобьёт это всё жизнь, проглотит вас с вашей детской наивностью и не подавится. А ведь мы уже давно не дети. Нет в ужасах никакой романтики, даже самой отчаянной. Века идут, а люди воюют, убивают и страдают.

Шляпа совсем утомилась и была готова упасть до самого подбородка.

– Что же ты нам теперь предлагаешь? Страдать, чтобы заранее быть готовыми к земным ужасам?

Мурашек стало больше.

– Нет. Предлагаю вам выстроить такой щит перед душой и сердцем, что ни одно страдание, каким бы оружием оно ни обладало, не смогло пробить его.

И сигарета кончилась.

– Все слова такие громкие. Я думаю, что жить надо в тишине. Вот сейчас отмоюсь от этой мерзости и пойдем домой, в родные стены, и там каждый из нас ляжет и устанет в свой угол. И будет думать о его пути и о его странствиях. Но всё-таки есть бесконечное в конечном. Это любовь в людях.

День выдался знойным. Пятеро мальчиков брели по дороге к домам, и каждый из них знал, что все они свернут с неё. И свернут в разные стороны. Но пока у них были общие слова, свиньи и заходящая за горизонт звезда в небе, они шли рядом.

Цирк жизни

Сырая земля падала на мёртвое тело. Кто-то из толпы, что стояла вокруг могильной ямы, закрыл телу глаза и скрестил на нём руки. Когда в земляной холмик воткнули крест, неизвестный вышел из толпы и отправился к реке. Его окружал чей-то шёпот, а за спиной неизвестный нёс мешок, из которого капали слёзы.

В мешке плавала и плакала рыба. Она была старой и бледной, совсем как тело старика. Но в глазах её жил свет воспоминаний о прошедшей жизни. Дойдя до реки, неизвестный выпустил душу. Рыба примкнула к остальным, плавниками выпарывая на камнях истории старика, чтобы их не забыть и чтобы глаза её не застыли и не утонули во мраке.

Ангел летать не умел. Он лишь глядел на звёзды и мечтал до них достать. Однажды ангел узнал о том, что друг его – предатель. Ангел отчаялся и пришёл на обрыв. Крылья были дырявыми после предательства. А сердце было ранено. Словно в нём сломали все кости. И сломали их некогда родные руки.

Боль говорила ангелу о звёздах. Те были пылью. Пылью тех, кто бросался с обрыва. Бросались из-за предательств.

Ангел тот был справедливым. Он смог взлететь над бездной и смог достать до звёзд. И тогда они посыпались с неба. Вокруг стало темно, но теперь пыль покинутых похоронила своих предателей. И теперь ангел летал, и крылья его зажили.

Кухня хранила взгляды и тишину. Она хранила двоих людей и их любовь. Любовь была будто из сказки. Люди эти танцевали и целовались, оставляя шипящий магнитофон и тлеющие окурки.

Они любили обсуждать бесконечность и горе.

Они скучали друг без друга так, что вместе с волками выли на Луну.

Они переплетали пальцы и прижимались губами ко лбу.

Они плакали вместе, а после пили подсолённое вино.

Они рассказывали друг другу секреты и спали на холодном полу.

Кухня хранила их, их любовь и их игры. А одна ей нравилась особенно. Двое зажигали спички и задували их, всегда загадывая одно и то же. И каждая спичка обещала им эту кухню и

эту историю навсегда. Каждая спичка была их мольбой, которая сбывалась. Потому что спички эти, как и любовь, были из сказки.

В цирке клоун приложил палец к губам. Человечество словно застыло. Клоун указал на звёздное небо. Затем показал аквариум с рыбками. А в конце – фокус со спичками.

И всё человечество за век свой видело падающую звезду, прикасалось к чешуе рыб или чиркало спичкой.

Начало человеческой войны

Наше время.

Серые дома словно опустели. Птицы улетели с проводов и крыш. Они покинули свои гнёзда, оставив лёгкую печаль. Не было слышно даже чайника у соседа. На общем балконе остались окурки да отголоски чьих-то слёз. Вероятно, это дочка соседа вновь разбила себе сердце, а может, просто порезалась о ржавый гвоздь, хотя давно пора вбить его обратно. Или запретить детям ходить на этот балкон.

Но разве она ребёнок? Конечно, нет. Это в моих воспоминаниях она лишь маленький человек, который вечно смеётся и любит чистое синее небо. А теперь небо пасмурное, и смеха я её давно не слышал.

Вечность.

Пахло деревом и мамиными руками. На стене были нарисованы звёзды. Жаль только, что они не сверкали, как настоящие. Но я знал, что настоящие где-то рядом и что однажды я непременно дотянусь до них.

Наше время.

Трамвай вёз меня мимо грустных домов. Пустые улицы заполнялись безликими. Во рту вкус горьких сигарет и остывшего кофе, который хранился в банке из-под любимых маминых конфет. Хотелось вернуться домой, хотелось услышать соседский чайник и увидеть когда-то маленькую девочку. И всё ещё хотелось дотянуться до звёзд. Говорят, где-то там, далеко, война. Но я точно знаю, что это ложь. Война настолько близко, что страшно. В моей душе война, и она длится вечность. В ней нет своих и нет чужих, в ней нет огня и нет крови. Но она бесконечно глубоко что-то ранит. Ранит настоящее. Ранит мечты и ранит детство.

Вечность.

Я чувствую под ногами звезду. От неё исходит тепло. Здесь нет ни птиц, ни города, ни окурков, ни ржавых гвоздей. Где-то рядом я вижу маленькую соседскую девочку; наверно, она никогда не покидала эту звезду. А вот я давно покинул. Оставил её, когда огонь сжёг дотла звёзды на стене, когда огонь сжёг весь деревянный мирок, в котором навсегда остались мама и её колыбельные. Вдруг до меня донёсся её запах, и я, где-то на Земле, заплакал.

Наше время.

Я вернулся домой и нарисовал на стене звёзды. А ещё я вбил ржавый гвоздь на общем балконе и съездил на кладбище. Там ночью упала звезда, и я загадал, чтобы она прилетела ко мне, чтобы это была звезда моей вечности и моего времени.

А на следующее утро я услышал чайник соседа. И отчего-то заплакал.

Панцирь из душ

Небо было красным, словно звёзды истекали кровью. Из болота вылез туман. От него пахло пылью комет. Лес тьмой окутал мутное месиво, в котором дно было птичьими скеле-

тами. Огромная черепаха была хранителем этого места. Её глаза двумя Лунами освещали кости деревьев.

Панцирь состоял из людских душ, чьи тела силуэтами плавали во мраке пучины. Разглядеть их лица, расслышать отголоски их последних слов было невозможно. Силуэты пропадали в безымянных углах памяти, а потом в этих углах вырастали могильные кресты.

Черепаха плавала меж останков незнакомых тел. Но порой она чувствовала родной запах, и тогда душу умершего она забирала чешуйкой груди, где внутри от боли билось её сердце.

Среди кровоточащего неба, голых ветвей с пустыми гнёздами и вечной тишины единственным спасителем от одиночества для хранительницы болота была смерть. Она приводила с собой силуэты, крепко держа их за руку, чтобы страх покинул их.

Смерть подводила людей к болоту, холодными губами целовала их и оставляла черепахе. Дно когтями костей впивалось в тела и тащило их к себе. Черепаха старалась запомнить каждую душу и на панцире, и в памяти. Она была мудрой, и в её глазах почти не осталось слёз.

Хранительница душ пыталась стать одним из скелетов в болоте, но утопиться не смогла.

Однажды смерть привела на болото силуэт, что оказался любимым черепахи. Она уже знала его душу и знала, что последние слёзы её прольются, когда силуэт этот задохнётся в месиве и станет частью дна.

Когда смерть исчезла, черепаха вышла из болота, оставив в нём свой панцирь, и сотни тысяч душ утонули вслед за телами.

Звёзды начали падать с неба. На дне болота воскресли птицы и запели. Лес начал ломаться, и голые трупы деревьев, как картонный домик, сложились над болотом. В последний миг своей жизни черепаха успела обнять свою любовь.

Птицы, что поднялись в небо со дна, взглянув вниз, увидели крест над болотом. Его выложил сам лес. Крест этот был в честь хранительницы болота и его душ.

Млечный Путь

Ветер нёс слова и воспоминания. Он нашёптывал на ухо секреты и рассказывал о прошлом. Земля под ногами была сухой и серой. Она была из людских перемолотых костей. Порой чьи-то невидимые руки хватали за ноги и тянули вниз. Но две бетонные коробки, что возвышались впереди, манили меня к себе. Их крыши задевали звёзды, а на этажах горел свет. Два дома были маяками. Маяками среди бесконечного простора, а может, среди всей жизни. На подоконниках вороны вили себе гнёзда, а мы рядом бросали окурки. Теперь птицы здесь пахнут нашими сигаретами и нашими душами.

Бетонные коробки встречали меня с тихой печалью, и он ждал меня там, между ними. За моей спиной, к самому Млечному Пути, рос мой дом. А за его спиной старой штукатуркой плакал дом его. Когда-то мы верили, что маяк у нас будет один и свет внутри него будет рождать наша любовь.

Но любовь умерла, птицы улетели из родных гнёзд, и коробки остались стоять друг напротив друга, храня у себя все наши слова и объятия.

Когда-то его глаза заменили мне вселенную, но оказалось, что глаза были стеклянными. Однажды они разбились вдребезги, и вселенная – вместе с ними.

Эта мёртвая земля и живые дома остались нашим секретом. Мы клялись себе и воронам, что об этом секрете будем молчать. Только вот я всегда клянусь со скрещёнными за спиной пальцами.

Мы оставили это место навсегда, когда сели в поезд. Тогда были и последняя клятва, и последние слова, и последние сигареты, и последние объятия, которые ломали наши кости. Но тогда же был и первый Млечный Путь, о котором он мне рассказал.

И теперь всегда последняя станция моего поезда – это Млечный Путь, который хранит в себе пылью и звёздами все мои истории, слёзы, окурки... А ещё он непременно хранит в себе клятвы, которые я всегда даю, но лишь скрестив пальцы в самой глубине моей души.

И если птицы пахнут сигаретами, значит, это наши птицы, и где-то есть их гнёзда, в которых они греют наш Млечный Путь.

Терновник одиночества

Крыши были далеко друг от друга. Они покрылись трещинами, которые наполнились иссохшими ягодами. Небо было вечно серым. В этом месте кто-то плакал и кричал, а изредка каркали вороны, что жили на старых ветках. Люди собирали осколки зеркал, чтобы взглянуть в свои глаза. Стекло кусочками бросали с облаков, словно пазл, который обитатели крыш ждали веками.

Меж крыш из самого скопления астероидов спускался терновый куст. Люди сходили с ума от могильных мелодий и собственного существования. Порой они резали ступни об осколки, но от этого они лишь чувствовали счастье. Обитатели не знали своих глаз, но знали листья куста.

Человек почти собрал пазл и приютил ворона, что выклевывал ягоды из бетона. Одинокий, он мечтал взять кого-то за руку. По ночам терновник пел колыбельные о том, что совсем рядом есть ещё крыши. Человек этим колыбельным верил. Он видел царапины на ступнях, чувствовал запах крыльев и всё гадал, какое отражение он увидит в собранном пазле.

Однажды проволока сковала крыши и связала их с терновым кустом. Были слышны карканье и шёпот листьев. Люди увидели других людей. Они взяли за руки и спаслись от одиночества, которое пожирало их временем. Вороны достали из трещин последние ягоды и улетели. А терновник вернулся к корням астероидов.

И с неба упали последние осколки. Глаза у людей были зелёные, как листья одиночества.

Торжество на том свете

Комнату освещали свечи. Воск от них стекал по стенам и рисовал узоры на старых обоях. Узоры превращались в лица стариков и детей, и все они ехидно улыбались. Но художница, жившая в комнате, их улыбок не боялась. В углах стояли кресла, которые по ночам превращались в портал. От портала исходил тусклый зелёный свет и запах луж. По ту сторону были иная жизнь и иные истории. Художница была там, жила там и умерла, а после возвращения начала новую картину.

Часы тикали, создавая мелодию, что звучала зловеще и магически. Стрелки шли в обратную сторону, и порой маятники танцевали. Танцевали так сильно, что задевали стариков и детей на обоях, и те сыпались на пол.

Художница пустой холст преобразила в янтарный алтарь. На нём демон в руках держал окровавленное сердце ребёнка, пока то медленно трепетало. Невеста стояла, прикусив губы, и фата её закрывала лицо. Дитя смерти стояло во фраке с букетом белых лилий и не сводило взгляда с прекрасной девушки и её заплаканных глаз.

Над ними была червоточина, а среди гостей ходила сама смерть. Художница писала, переносила воспоминания на холст, и время от времени слёзы смешивались с красками. Дитя было добрым и любило свою невесту. Они сжали вырванное из его груди сердце, а после кровавыми руками обхватили лица друг друга и поцеловались.

После церемонии у алтаря смерть обняла свою неродную дочь и пожелала ей самого настоящего счастья. Но невеста смерти не верила. Из белоснежного рукава выскользнуло лезвие и вошло прямо в спину неродной матери. Так свадьба стала похоронами.

А в жизни художницы, где вечно тикали часы, смерть забрала у неё самого важного человека. И это было ранением в спину, да таким, что железо разорвало саму душу и сердце. Когда художница оставила в земле любимого, она пришла в дом смерти. А дитя хозяйки дома любило ту, что пришла с клинком и болью. Она не хотела причинять эту боль никому, кроме смерти, но причинила.

Дитя ненавидело невесту, оно хотело забыть всё. Оно хотело не рождаться ребёнком смерти, не любить того, кто отдал своё сердце мёртвому, и оно не хотело возвращаться в мир с часами. Но жизнь распорядилась иначе, и дитя получило всё то, чего не хотело.

Вернувшись к надгробию матери, оно написало: «Ничто не возникает из ниоткуда». А после, идя по бесконечному городу, оно наткнулось на выставку картин и увидело там свою свадьбу.

Художница заметила человека, неподвижно замершего у её последней работы, и где-то в её груди кольнула игла. Она была из того же металла, что и клинок.

Странно было вспоминать незнакомца, с которым они когда-то держали одно сердце на двоих.

А часы всё тикали, и по ту сторону дьявол, что стоял у алтаря, услышал неизвестную ему мелодию. Теперь, когда он приносил на могилу смерти белые лилии, она звучала всегда.

Судьба лжецов

Под землёй было сыро, и тьма царствовала там. Гора трупов была посреди подвала. Блёклые глаза, изломанные пальцы и кровавое море, в котором прыгали и спали лягушки. Тела были разрезаны вдоль груди, там, где были души и где должны расти цветы.

Но среди всей этой горы не было ни одного цветка, потому лягушки голодали.

Некто убивал других, в мечтах надеясь собрать букет, но в людях он находил лишь органы и пустоту. Некто в детстве слышал рассказы о душах, которые цветами росли в других. А ещё в рассказах были бесконечный коридор и множество лягушек, что питались душами, а если лягушек не кормить, то они убьют тебя самого. Не из жестокости, а из долга перед теми, кто обещал им цветы.

Некто помнил старческие руки бабушки и вкус тёплого молока. Он помнил все её слова и пугающий шёпот, на который она переходила под самый конец своих историй. А ещё он помнил скелеты лягушек в банках, потому верил.

Всё детство некто выкапывал землянку и таскал в неё лягушек из болота. Когда вырос, он забрал у бабушки нож и всех людей вскрывал от груди до рёбер. Раз за разом он замирал и плакал, но не от отчаяния, а от страха перед обитателями землянки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.